

- 1.
- 2.
- 3.
4. Васильев Б.В., авт. инсц. — Капканьян Г., Мельникостян В.
5. А зори здесь тихие...
6. Ереван — гос. акад. драм. театр им. Г. Сундукяна
7. реж. — Капканьян Р. худ. — Подкомолов В.

№ 3 АВГ 1974

КОММУНИСТ

Т. Ереван

КОММУНИСТ

ПОЭЗИЯ ПОДВИГА

ТЕАТР

НЕЗАДОЛГО до окончания сезона Академический театр имени Г. Сундукяна показал новый спектакль — «А зори здесь тихие...» по одноименной повести Бориса Васильева. После того, как эта замечательная книга получила столь широкую популярность у читателей и зрителей (она была экранирована), театру предстояло найти такое сценическое воплощение, которое не только не уступило бы литературному первоисточнику, но и внесло бы нечто новое в устаивающийся представления о полных героизма. Была и другая, немалая трудность — донести до зрителей такое сложное и объемное изображение атмосферы повести Б. Васильева, ее поэтический ритмико-интонационный строй, суметь передать русские характеры переданные общие черты, присущие советским людям.

Эта сложная «сверхзадача» приписано решена постановщиком — народным артистом СССР Рашид Напалляном. Успех спектакля определялся прежде всего удачной инсценировкой, выполненной им в сотрудничестве с В. Мельникостяном. Сохранив основы сюжетной линии и оставив верным гуманистическому духу повести, театр акцентировал внимание на героико-патриотической теме, высветлил до скульптурной выразительности фигуры главных героев, раскрыл поэзию их бесстрашного подвига во всем его трагизме и величии.

Постановщик вместе с художником В. Подкомоловым максимально используют пространство сцены, возможности зритель, от чего спектакль обретает объемность и динамичность. Они смело используют натуральные материалы — босая при этом встает в натурализм. Спектакль полон удивительно зрелищных емких, насыщенных красками и звуками живой природы, тревожащих ритмами грозных дней войны. Эмоциональное воздействие во многом усиливается музыкальным оформлением, составленным Ф. Абрамяном, и в особенности мелодиями фронтальных песен в фортепьяно организованные композитора К. Орбелана. Четко продуманной режиссурой, современной стилистикой и манерой актерской игры спектакль сумел воплотить «А зори здесь тихие...» вносит свежую струю в творческую жизнь театра.

...Медленно гаснет свет в

зрительном зале. Раздаются аккорды двух роялей, стоящих по обе стороны авансцены. Поднимаются занавес. Сцена погружена во сонный дремлющий просматриваются черты покинувших силуэт пятиерых девушек в военных гимнастерках. Исходит, призрачная, человек с поседыми волосами. Он о чем-то думает и словно вспоминает былые. Тихо звучит трезвонная мелодия песни И. Френкеля «Муравьи» на слова Р. Гамзатова в чуждом исполнении Марии Бернеса. Она эта мелодия, нарастает, наполняет всю сцену, весь зал, захватывает нас, и мы уже не прикасаемся к этому одному стоящему в скорбном молчании человеку, смотрящему в темноту леса... Это — пролог спектакля «А зори здесь тихие...». Мы еще не знаем, что произойдет в обманивой тирине тревожных северных зорь, как разворачиваются события этой драматической истории, но зритель уже настроен, заворожен...

Перед нами оказываются их достоверности и реалистичности сущности события давно минувших лет Великой Отечественной войны, оживают как память сердца, память народа. Мы увидели и услышали рассказы о героическом подвиге советских людей, значение которого, как писала «Правда» о фильме «А зори здесь тихие...», «намерзает не масштабом совершенного, а масштабом человеческих сердец, нравственной патристической высотой воинов». И в самом деле: всего-нашего — пять девушек и один старший бой с фашистами. Но кажется, что в них, как в капле воды, отразилась несняемая сила, высокие моральные качества, стойкость и мужество советского народа, его неистребимая вера в победу. Об этом спектакль сумдукянцев. И еще о другом — об антигетерогенности и античеловеческой сущности войны, губительной и разрушительной все прекрасное на земле. В этом — гуманистический пафос спектакля, его нравственно-философ-

ская основа и современный аспект. История как бы служит предостережением для потомков.

Для режиссерского номера Р. Капканьяна характерно умение создавать саженими актерский ансамбль и в то же время умение давать возможность раскрыться в каждой индивидуальности. В полной мере это проявилось и в режиссерском спектакле. Бюкен здесь был точный выбор актеров на ведущие роли, ибо известно, что никакие режиссерские «ухаживания» не спасут, если исполнители опажулся не на месте.

Участники спектакля играют увлеченно, с большим душевным подъемом, каждый на них постыные ливают своей роли. Но то всему задает народный артист Армянской ССР Хорен Абрамян в роли старшины Федота Васюкова, чем-то напоминающего нам Василия Теркина. Его герой — человек трудной судьбы, бывалый солдат, с крестьянской нетерпимостью, наивностью, с чуткою грубоватым юмором. Старшина в исполнении Х. Абрамяна весь земной, но не приземленный. В нем таится большая внутренняя энергия зина богатства, готового похвастаться собой во имя спасения Родины. В этой внешности неуловимо, угловатом теленке бьется доброе сердце, неуемная жажда жизни и лютой ярости. Любовь к людям и невинность — врагам дают ему силу выстоять и победить.

Ситуация, в которую попадает старшина Васюков, исключительная и, помимо сажением, деликатная. Волею обстоятельств ему приходится похвастаться батальоном девушек. «Зенитчики, — с лукавой улыбкой замечает В. Васильев, — оказались левыми шумными и задирскими, и старшина еженощно чувствовал, что попал в гости в собственный дом: болтались лаять не то, сделать не так, а уже о том, чтобы войти куда без стула, не могло теперь быть и речи, и если он забывал когда об этом, сиятельный визг немедленно

отбрасывал его на тренине позиции». Эти исторические слова послужили для Х. Абрамяна как бы равноручной рамкой при создании четкого рисунка образа героя. Заполняются сцены встречи старшины с зенитчицами, только что прибывшими в часть. Эти мажорные сцены выстроены с большой режиссерской выдумкой, сыграны с бесподобным юмором.

Характер коммуниста Васюкова расширяется наиболее ярко во втором действии спектакля, полным выразительного драматизма и высокого трагизма. Преследуя дисерпантов, пятеро зенитчиц во главе с Федотом вступают в неравную схватку. И словно преображается Абрамян — Васюков в этих эпизодах. Неоднородные и насмешливые отношения с «дочками» сменяются глубокой верой в них, а сам он будто взрослеет, почувствовать ответственность за жизнь боевых подруг, «переложившей своей мужской и командирской». Образ Васюкова в спектакле постепенно обретает обобщенные черты народного артиста, преисполненного чувством гражданского долга за судьбу всей страны. И Васюков — Абрамян от имени народа выносит свой трезвый приговор фашистам, преступившим «законы человечества» и тем самым оказавшимся «вне всяких законов», а потому лет им никакой пощады.

В спектакле «А зори здесь тихие...» занята в основном модель театр. Артисты играют своих сверстников, и может, оттого в их лице столько искренности, задумчивости и тылоты, что порой не замечаешь неопытности некоторых. Правда, не все южские образы выписаны в повести с равной силой, что, конечно же, сказалось и в спектакле. Так, если из эпизодических лиц вышло подана колоритная фигура Павлины Боровой — соседки дома, где живет старшина (ее задорно играет П. Петросян), то схематичной вышла сержант Зоя Кирьянова (Н. Карагезян), выполняющая лишь служебную функ-

цию помкомзвода. А не «пятирты смехливых девчат», участвующих в основных событиях спектакля, беднее всех выглядит Лиля Бринкина (Г. Грдаян), характер которой четче намечен. Но зато четко остальные героини сыграны ярко и впечатляюще, оставшая глубокий след в сердцах зрителей. Это, прежде всего, общительная, озорная Нелля Коселькова (Н. Аветисян) и неулыбчивая лавра героиня Павлины Рита Осинина (А. Напаллян). Это «цивилизация городские» — живущие в пообразованном мире през детдомовна Гаяя Четвертая (Р. Галстян) и не распадающаяся с томком стихов Блока студентка Соия Гурвич (Е. Мирзумян). Разные судьбы у героинь-помкомзводки, разные у них характеры, но всех их объединяет горячая любовь и Родина, и гибнут они во имя жизни на земле, символизируя собой будущую молодую поросль, которую безжалостно загубила война, вопиющая собой непростую песню любви...

Есть в спектакле одна сцена, которая, быть может, ярче всех выразит нравственно-философскую сущность произведения. В повести эта сцена описана кратко, а в спектакле, благодаря творческой фантазии Р. Капканьяна, обрела силу метафоры. На сцене — ниспек стелочный фронтальной баян. В полумраке за занордотой мелькают обнаженные плечи девушек. Раздаются восторженные голоса: «Ишьна, ты русалка!.. Женна, с тебя скульптуру Ленин!»... И вдруг ялет вральские самолеты. Девушки, поспешно одевшись, становятся у зенитных пулеметов. Обнаженные плечи и пламя зениток...

«Гибнет «пятирты смехливых девчат», гибнет, чтобы снова ожить в трезвонной песне «Муравьи», вновь звучащей в финале спектакля. Они возмужали, словно из легенды, — все в бером, освещенные ослепительным светом. В том же лесу, где зори тихие-тихие. Но это уже мирные зори. И стоит задумчиво старшина с последней головой, глядя на скульптурные фигуры девушек-журналист. Обращаясь к зрителям, он призывает помнить тех, кто жизнь отдал на Огнянку. Спектакль окончен, но артисты долго еще ощущают атмосферу поэзии подвига.

С. ДАРОНИН.